

ФИЛИП ФРАКАССИ

ТРЕТЬЕ

ПРАВИЛО

ПУТЕШЕСТВИЙ

ВО ВРЕМЕНИ

Как бороться за тех, кого ты любишь,
если они даже не существуют?

The Big Book

Филип Фракасси

**Третье правило
путешествий во времени**

«Азбука»

2025

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Фракасси Ф.

Третье правило путешествий во времени / Ф. Фракасси —
«Азбука», 2025 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-34795-3

Гениальная Бет Дарлоу вместе со своим не менее гениальным мужем создала машину, позволяющую человеческому сознанию путешествовать во времени – в любую точку прожитой жизни. Это огромное научное достижение, но есть нюансы: во-первых, путешественник не может взаимодействовать с прошлым, его удел – только наблюдать; и во-вторых, совершенно неизвестно, как машина (и она ли?) выбирает эпизод, который будет заново переживать путешественник. После трагической гибели мужа в автокатастрофе измученная горем Бет пытается воспитывать маленькую дочь и одновременно продолжать исследования. Однако генеральный директор корпорации решает прекратить финансирование. Стремясь доказать ценность своей технологии, Бет доводит себя до эмоционального предела. И происходит невероятное: с каждым новым путешествием ее реальность катастрофически меняется. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-34795-3

© Фракасси Ф., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

Один	8
Два	11
Три	16
Четыре	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Филип Фракасси

Третье правило путешествий во времени

Посвящается Стефани. Снова и всегда

Philip Fracassi
THIRD RULE OF TIME TRAVEL

Copyright © Philip Fracassi, 2025
All rights reserved

© Я. К. Забелина, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Конечно же, существуют правила...

Я в самолете.

Это маленький винтовой самолет. Смотрю налево, на сестру Мэри. Она в соседнем кресле, уши закрыты большими наушниками авиационной гарнитуры, профиль виден ясно: рот, скулы, глаза. Каштановые волосы спадают на плечи. На Мэри джинсы и черный пуховик.

Мой взгляд устремляется в переднюю часть самолета.

Выбора нет, я смотрю.

За лобовым стеклом голубеет небо. Слева сидит мужчина. Я вижу только его затылок, но знаю, что это отец. Справа мама. Между ними – приборная доска самолета: кнопки, рычажки и лампочки.

Даже через наушники, отсекающие шум, я слышу гул винтов. Звук похож на жужжание роя шершней.

Я продолжаю смотреть вперед.

Металлический пол узкой кабины неприятно вибрирует под ногами.

Девочкой я десятки раз летала на этом маленьком самолете. Это папина «Сессна». В последний раз мы летали на ней, когда мне было двенадцать. А сестре – пятнадцать. Неужели...

Нет... не может быть.

Толчок справа, потом звук, будто кто-то пробил дыру в небе, – мое зрение переключается. За иллюминатором тянется густая струя черного дыма. Я наклоняюсь вперед и смотрю вниз, где расстилается ковер густого, бескрайнего леса. Самолет жутко трясет. Он ныряет, потоки воздуха раскачивают его.

В наушниках раздается голос отца:

– Держитесь!

Лобовое стекло тошнотворно наклоняется, Мэри хватает меня за руку. Я поворачиваю к ней голову и вижу отражение собственного ужаса в ее широко раскрытых глазах, и, о боже, нет...

Пожалуйста, нет... Нет!

Зачем ты отправил меня сюда?

ПРАВИЛО НОМЕР ОДИН:

Путешествие возможно только к точкам назначения, существовавшим в течение предыдущей жизни путешественника. Эти точки выбираются случайным образом.

Самолет трясет с такой силой, что я стискиваю челюсти, чтобы не стучать зубами. Перед глазами размытое разноцветное пятно. Я едва понимаю, что вижу. Все искажено. Сфокусироваться невозможно.

Поворачиваюсь взглянуть на Мэри, и в этот момент самолет валится в пике. Двигатель ревет как бешеный, желудок подскакивает к горлу, а я – к потолку. Ремни безопасности больно впиваются в бедра и грудь. Содрогаюсь, я вижу, как волосы Мэри взмывают вверх, а на ее бескровном лице отражается неприкрытый страх.

Папа что-то кричит в микрофон гарнитуры, но все, что я могу разобрать среди кошмара, охватившего наш самолет, – это «Держитесь!» и «Прости, мне так жаль!»

Мама кричит в микрофон, подключенный к самолетной радиостанции. Я не знаю, что она говорит – разобрать не могу, – но предполагаю, что это сигнал бедствия. Ее губы произносят: «Мэйдэй! Мэйдэй!»

Кажется, я кричу, но не уверена. Тону в хаосе и шуме.

Лобовое стекло больше не синее, оно зеленое.

Мы стремительно снижаемся, вот-вот разобьемся.

Снова.

ПРАВИЛО НОМЕР ДВА:

У путешественника достаточно энергии, чтобы поддерживать контакт с миром прибытия примерно в течение девяноста секунд.

Земля стремительно приближается, за иллюминаторами клубятся дым и пламя. Кусок двигателя отламывается и ударяется о дверь рядом со мной. Иллюминатор разлетается вдребезги, и если до этого я не кричала, то сейчас ору.

Сестра вцепляется мне в руку; ногти больно впиваются в кожу, но я даже не пытаюсь повернуться к ней. Смотрю прямо перед собой. Самолет стремительно несется к земле, я могу различить отдельные деревья, которые становятся все ближе, пока отец беспомощно дергает за рычаги, отчаянно пытаясь хоть как-то замедлить наше падение.

Мы достигаем верхушки первого дерева как раз в тот момент, когда мама резко поворачивает голову, чтобы в последний раз взглянуть на своих детей. В эту долю секунды на ее лице читается невообразимая печаль, которую я никогда не забуду. Затем лобовое стекло взрывается, толстые ветки впиваются в тела родителей, разрывая их, словно ткань, меня обдаёт осколками стекла и кровавыми брызгами; самолет кренится, разваливаясь.

Что-то острое и твердое врзается мне в лицо, ломает руку.

Я больше не чувствую хватки Мэри. Она исчезла.

Мы проламываем бесконечные ветви, кабину крутит так и этак. Я переворачиваюсь вверх тормашками, темная земля летит мне навстречу сквозь рваную дыру, которая всего несколько секунд назад была кабиной пилотов.

Моих родителей.

Я зависаю в воздухе, будто астронавт в невесомости, ногами вверх, а затем следует удар о землю.

ПРАВИЛО НОМЕР ТРИ:

*Путешественник не имеет возможности взаимодействовать с миром,
в который он попал...*

То, что осталось от самолета, больше никуда не движется.

Я вишу на ремнях. Руки и ноги безжизненно болтаются.

Глаза застилает болотно-серая пелена.

Я поворачиваю голову влево, надеясь увидеть сестру.

Ничего, кроме разорванного металла и грязи.

Пустые наушники.

Пытаюсь оглянуться, чтобы обнаружить ее, но ремень безопасности врезается в шею, а грудь пронзает такая сильная боль, что перехватывает дыхание.

У меня сломаны ребра и рука. Сотрясение мозга. Внутреннее кровотечение.

Преодолеваю боль, я заставляю себя повернуть голову, чтобы увидеть заднюю часть кабины. На металлических стенках широкие потеки темной крови и то, что осталось от моей сестры. Какие-то части тела. Не знаю какие.

Меня рвет; мое безвольное тело висит в нескольких футах над землей в ужасном чреве разбитой «Сессны» как сломанная марионетка.

Я помню, о чем подумала, когда это случилось в первый раз.

Я в могиле.

Но жива, каким-то образом жива.

Только я одна.

...путешественник может только наблюдать.

Один

Бет просыпается от звука будильника на планшете. Птичий хор.

Пять утра.

Время пробежки.

Она стонет, нажимает на экран, чтобы выключить будильник, и высовывает ноги из-под одеяла. Ранний утренний воздух пронизывающе холоден, голые руки быстро покрываются гусиной кожей. В окно проникает серый свет. Комната наполнена переливчатым звуком дождя.

– Отлично, – бормочет Бет с усталым вздохом; она не в восторге от того, что день предстоит начать с десяти миль под дождем, и все-таки встает с кровати и направляется в ванную почистить зубы.

Несколько минут спустя Бет сидит на скамейке в прихожей, размеренно дыша через нос, чтобы привести в порядок тело и разум. Надев непромокаемую ветровку и спортивные легинсы, натягивает поношенные кроссовки «Асикс» и туго их завязывает.

Вдох. Задержка дыхания. Выдох.

Она постукивает по циферблату часов, и наушники наполняет ритмичная музыка. Открывает входную дверь (просторный классический дом в стиле крафтсман¹ – единственная роскошь, которую она смогла себе позволить, переехав на Тихоокеанский Северо-Запад), выходит на крыльцо и разминает мышцы бедер и икр. Ливень молотит по тихой улице, размывая неровную брусчатку тротуара, который начинается сразу за маленькой деревянной калиткой, такой же выцветшей от времени, как и весь забор из штакетника, окружающего ее скромный дворик.

Бет подносит запястье ко рту:

– Начинай утреннюю пробежку.

Включается таймер. Она кивает сама себе, быстро сбегает по ступенькам, выходит за калитку и сворачивает направо, на тротуар, не испытывая ни малейшего желания выходить на улицу в темноте раннего дождливого утра, когда по обочинам бегут потоки воды глубиной по щиколотку. Одежда сразу же промокает.

Бет прислушивается к своему дыханию, «асиксы» шлепают по мокрой брусчатке. Через несколько мгновений она набирает скорость.

Во время бега Бет по-прежнему сосредоточена на дыхании, на ровном биении своего сердца, на ритме музыки, звучащей в ушах. Отгоняет мысли о том, что ей холодно, что она промокла или устала. Все, что угодно, лишь бы не думать о предстоящем дне или о совершенном накануне коротком визите в прошлое, заставившем Бет заново пережить самые ужасные девяносто секунд в ее жизни.

* * *

Когда она возвращается домой, дождь переходит в мелкую морось; восходящее солнце придает темно-серому небу менее гнетущий оловянный оттенок. Довольная, что удалось уложиться в разумное время, Бет постукивает по циферблату часов.

¹ *Крафтсман* – широко распространенный стиль загородного жилья в США. Дословно название переводится «ремесленник». Для него характерны: невысокая, нависающая многоскатная крыша; наличие мансарды с окнами, выходящими как на фронтальную, так и на боковые стороны дома; обшивка всего дома натуральными материалами (дерево, камень, черепица); опорные колонны для выступающих частей крыши; использование на окнах деревянных рам со шпросами; цокольный этаж, отделанный камнем; каменные дымоходы; открытая терраса. (Здесь и далее примеч. перев.)

На крыльце, у двери, ждет Мари-Елена, одетая в синий дождевик. На голове у старушки туго стянутая у подбородка непромокаемая косынка, украшенная розовыми цветами, в руках огромная сумка. Мари-Елена тепло улыбается потной и запыхавшейся Бет.

– Вы рано, – улыбается Бет, стараясь выровнять дыхание.

– Роберту утром понадобилось в центр, я высадила его и поехала сюда. Знаю, что ты уже встанешь. – Мари-Елена подмигивает.

Бет кивает и открывает дверь:

– Вам ли не знать... Заходите.

Мари-Елена – энергичная женщина лет семидесяти с небольшим, у которой трое взрослых детей, – няня Изабеллы практически со дня ее рождения. Бет уверена, что без помощи этой женщины, без ее силы не смогла бы так далеко продвинуться. Старушка – надежная опора в бурной жизни Бет; так было всегда, даже до смерти Колсона, когда они вдвоем до изнеможения работали в лаборатории, что делало невозможным полноценное воспитание ребенка.

Год назад, неожиданно овдовев, Бет осознала, что больше не может работать в прежнем бешеном ритме, который она сама себе навязывала. Все силы уходили на то, чтобы оставаться хорошей матерью, – особенно учитывая горе и депрессию, которые, подобно солнечному затмению, на долгие месяцы поглотили ее мир после трагической гибели мужа.

– Она еще спит, – сообщает Бет, скидывая туфли. – Мне нужно принять душ, но на кухне есть свежий кофе, и я вчера купила несколько маффинов в «Лензи». Угощайтесь.

Мари-Елена кивает и подталкивает Бет в сторону ее спальни.

– Хорошо, Бет. Ты иди. Собирайся на работу.

* * *

Двадцать минут спустя Бет, свежая после горячего душа, в сухой одежде, войдя в кухню, испытывает острое разочарование, увидев, что дочь уже сидит за столом и с аппетитом уплетает овсянку. Будить Изабеллу – одно из ее любимых ежедневных дел, а теперь это просто еще один упущенный момент, еще одно унесенное временем воспоминание, которое не вернуть.

Мари-Елена, ставя стакан сока перед маленькой девочкой, кажется, читает мысли Бет и пожимает плечами:

– Да-да, смотрите, кто пришел. Наверное, услышала нашу болтовню. Говорит, что проголодалась.

Мари-Елена улыбается и гладит девочку по волосам.

Изабелла, в розовой пижаме, с растрепанными со сна волосами, оборачивается и видит у входа в кухню свою мать.

– Мамочка! – радостно кричит она, протягивая ручку и сгибая пальцы, что означает: «Давай! Давай!»

Бет, отбросив дурные мысли, идет к дочери и, обеими руками взяв ее ладошку, целует каждый крошечный пальчик. Сердце переполняет такая любовь, что непонятно, как ее сдержать. Выпустив теплую ручку дочери, Бет усаживается за стол и смотрит, как малышка завтракает. Размышляет о том, как уютно устроилась Изабелла в чудесном возрасте от четырех до пяти лет, когда начинается необратимая метаморфоза, которая постепенно превратит ее из маленькой девочки в прекрасную молодую женщину – нежные детские черты преобразуются и оттачиваются: более четкие очертания щек и подбородка придают очарования ее личику херувима, руки и ноги вытягиваются.

Мари-Елена ставит перед Бет чашку кофе и садится за стол; от чашки идет пар.

– Тебе тоже нужно поесть, – серьезно говорит она. – Задержись на минутку.

Бет кивает и отхлебывает кофе, прежде чем завершить рутинный диалог.

– Времени совсем нет. Перехвачу что-нибудь на работе.

Мари-Елена хмыкает и качает головой:

– Время всегда есть, Бет. Важно, что ты с ним делаешь.

Бет собирается ответить, но дочь перебивает ее.

– Мама! Сегодня в саду мы будем делать бабочек, – объявляет Изабелла. Ее растрепанные шелковистые черные волосы, эффектно прикрыв часть лба и тем самым подчеркивая большие, яркие карие глаза, ниспадают на узкое плечико. – Я принесу тебе одну.

Бет встает и целует дочь в макушку.

– Непременно, детка. А теперь будь умницей ради Мари-Елены. Я вернусь домой к ужину и искупаю тебя, хорошо?

Изабелла откладывает ложку. Обвивает руками шею матери, звонко целует ее в щеку, а затем шепчет на ухо, как будто это секрет:

– Я люблю тебя, мамочка.

Два

Среднестатистическому прохожему штаб-квартира корпорации «Лэнган» покажется больше похожей на военный комплекс времен холодной войны, чем на передовую технологическую компанию с рыночной стоимостью более пятидесяти миллиардов долларов.

Возведенное на вершине большого холма одноэтажное здание из бетона и стекла, куда можно добраться только на вертолете или по единственной извилистой дороге, обнесено высоким забором. Оно круглосуточно, семь дней в неделю находится под наблюдением первоклассной военизированной службы безопасности (ее материнская компания регулярно участвует в тендерах на оказание услуг ЧВК в условиях военных действий). Квадратный корпус, обитель непостижимого интеллекта и невероятных тайн.

Только те, кому разрешен в него доступ – люди, среди которых величайшие умы планеты, – знают, что здание корпорации вовсе не одноэтажное. На самом деле это массивный подземный комплекс, уровень за уровнем уходящий вглубь на пять полноценных этажей.

Направляя машину к вершине холма, Бет тяжело вздыхает при виде мрачного места, где она работает последние четыре года: синевато-серое небо внезапно становится фоном для темной бетонной крепости, утилитарного памятника знаниям, нагло-зловещего, бесцветного, безрадостного. И все же внутри этого здания, почти на глубине ста футов под землей, находится ее величайшее достижение. Ее и Колсона. И не только их...

То, что скрыто глубоко под поверхностью, может стать одним из величайших достижений в истории человечества.

Машина, которой под силу изменить все.

Так что, несмотря на дождливый день, тягостную атмосферу и мрачную обстановку, Бет с радостным волнением подъезжает к контрольно-пропускному пункту и достает из кармана пропуск, размышляя о предстоящем дне: о данных, записанных во время вчерашнего путешествия, которые она проверит и перепроверит, разгадывая тайны, которые кроются в причудливом переплетении алгоритмов, электричества и стали. Ее вело стремление обуздать силу, не предназначенную для человеческого контроля, – силу, что лежит за гранью науки, за гранью машин и экранов с бегущими уравнениями. Нечто неопределимое.

Но она познает это. Воспользуется этим.

И тогда...

И тогда Бет изменит мир.

* * *

Пройдя через стеклянные входные двери в полутемный вестибюль – отполированные до блеска бетонные стены и пол, встроенное освещение, эдакая тюрьма для белых воротничков, – Бет предъявляет удостоверение дородному охраннику у рамки полноростового сканера, в тысячный раз отмечая, что у большей части сотрудников службы безопасности под неизменными черными спортивными куртками к поясу пристегнуто оружие.

Сразу за постом охраны стена из толстого дымчатого стекла с тремя входами, и Бет, когда охранник кивает и пропускает ее, направляется к дальнему правому, к тонированной панели размером с дверь, которая сдвигается, открывая длинный коридор. Бет, как обычно, кажется, что она попала в совершенно другое здание. Стены от пола до потолка отделаны темно-вишневым деревом, на полу ковровое покрытие – плюшевое, цвета темного шоколада. Висящие по стенам картины середины двадцатого века в изысканных рамах – в основном абстракции, выполненные в горчично-желтых, малиновых, жжено-оранжевых и морских синих тонах – при-

дают помещению винтажный вид, напоминая о мире, которого Бет никогда не знала. Она как-то раз слышала, что кто-то из старших коллег описывал офис как юридическую фирму старой школы, но не очень представляет, что это значит. Впрочем, основополагающую идеологию Бет понимает очень хорошо: скучно, просто, архаично.

И знает, что к «Лэнган корпорейшн» это не имеет ни малейшего отношения.

Еще рано, поэтому тихо. Двери, выходящие в коридор, закрыты; Бет минует их, направляясь к одинокому лифту в дальнем конце коридора – он относится к ее лаборатории, ходит только с первого этажа и только вниз.

– Не трогайте меня, сволочи!

Бет резко оборачивается, у нее перехватывает дыхание. Дверь позади распаивается, и человека – пожилого мужчину, которого она хорошо знает, – грубо выталкивают из кабинета в коридор. Какие-то бумаги вылетают у него из рук и рассыпаются по полу. Мужчина размахивает портфелем, будто это оружие. Пара вооруженных охранников – форменные черные костюмы обтягивают мускулистые, хищные тела, которыми, похоже, обладают все сотрудники службы безопасности, – следуют за ним с каменными лицами, сверля стальными взглядами.

Один из охранников небрежно откидывает в сторону полу спортивной куртки и кладет руку на рукоять смертоносного на вид огнестрельного оружия.

Троих враждебно настроенных мужчин и Бет разделяет не больше десяти футов, она делает шаг к ним.

– Джерри?

Пожилой мужчина поворачивается к ней. Лицо мертвенно-бледное, седые волосы растрепаны, мятый костюм кажется поношенным. Глаза безумны.

– Бет, – говорит он странным тоном. – Ты можешь в это поверить? Они хотят от меня избавиться.

Бет качает головой, собирается подойти, но останавливается, когда один из охранников – тот, чья рука лежит на рукояти, – бросает на нее предупреждающий взгляд. Она замирает.

– Я не понимаю. Джерри, что происходит?

Другой охранник, высокий пожилой мужчина, которому, похоже, эта сцена наскучила, кладет руку Джерри на плечо. Тот отшатывается, пугается к вестибюлю, охранники невозмутимо наблюдают за ним.

– Я сказал, не трогайте меня! – рявкает Джерри. Затем его взгляд устремляется мимо охранников.

На Бет.

– Это из-за тебя! – Он тычет в нее длинным скрюченным пальцем. – Твоя дурацкая машина высасывает из нас все соки. Ничего, Бет, придет и твой черед! Просто подожди и увидишь...

Бет хочет возразить, но Джерри разворачивается на каблуках и быстрым шагом направляется в вестибюль, прижимая к груди портфель и продолжая рассыпать бумаги; они забавно планируют и падают на ковер. Охранники, не оглядываясь, следуют за Джерри по пятам.

Бет наблюдает, как трое мужчин выходят через раздвижную стеклянную дверь и исчезают в вестибюле. Кабинет Джерри открыт, бледный свет из окон льется в коридор, освещая забытые бумаги, разбросанные по полу, словно опавшие листья. Мгновение Бет смотрит в дверной проем: а ведь не один Джерри потерял сегодня работу, – похоже, его коллегам тоже сообщили, что отныне им здесь делать нечего.

Потрясенная этим открытием, Бет разворачивается и идет к лифту.

Бесшумно раздвигаются дверцы, она заходит внутрь, смотрит в камеру – маленький глазок слева – и проводит удостоверением личности перед черным сенсором. Раздается тихий звуковой сигнал, яркая красная лампочка рядом с датчиком загорается зеленым. Дверцы закрываются.

Под датчиком и недреманным глазом камеры вертикально на панели размещены кнопки всех пяти подземных этажей.

Бет нажимает на нижнюю, и лифт плавно опускается.

* * *

Через несколько мгновений дверцы разъезжаются. Перед Бет знакомое до мельчайших деталей помещение высотой в два этажа, похожее на пещеру. Стекло, бетон, сталь. В центре, окруженная рядом компьютерных консолей, стоит машина для путешествий во времени.

Изготовленная в основном из полированных стальных деталей, она напоминает ультрасовременный больничный рентгеновский аппарат. В центре самой машины находится плоская металлическая станина – своеобразная кровать. Над ней парит шар с красноглазым хоботком-лазером, который направлен вниз, прямо на изголовье. Прозрачная расходомерная трубка, кажущаяся полосатой из-за множества охватывающих ее стальных колец, соединяет шар лазера с массивным, с небольшой автобус генератором. Справа и слева от станины под небольшими углами вертикально установлены стальные полусферы, обращенные плоской стороной наружу, а выпуклой – туда, где, предположительно, должна находиться голова лежащего человека.

В глубине помещения, за стеклянными стенами, находятся два рабочих кабинета и комната отдыха с прилично оборудованной кухней, диваном и обеденным столом. Над ними нависает обзорный балкон. Между балконом и машиной с потолка на кронштейнах свисают массивные экраны, практически невидимые, пока не активированы.

За одной из компьютерных консолей сидит сосредоточенный на экране молодой человек в белоснежном лабораторном халате, черных брюках, рубашке на пуговицах и при галстукке. Услышав шаги Бет, он, судя по всему, встревоженный и слегка разочарованный, смотрит на нее.

– Я думал, вы взяли выходной.

– Доброе утро, Тарик. Нет. У меня отчет.

Бет останавливается у другой консоли и вводит команду.

Тарик встает и складывает руки на груди:

– Время есть. Вы могли бы заняться этим завтра.

Бет приподнимает брови, не отрывая взгляда от экрана, ее пальцы порхают по клавишам.

– Предлагаешь перенести все на субботу?

Тарик хмыкает:

– А почему нет? Если мне не изменяет память, выходные или праздники никогда не отвлекали вас с Колсоном от работы.

Бет игнорирует упоминание о своем покойном муже, продолжая внимательно изучать что-то на мониторе.

– Вижу, ты уже проводишь диагностику. Есть какие-нибудь отклонения?

Тарик, покачив головой, занимает свое место. Упреки и советы тут бесполезны.

– Нет. Пока ничего. Все, что вы испытали вчера, ничем не отличается от того, что мы видели раньше. – Он на мгновение замолкает, будто раздумывая, стоит ли продолжать, но все же говорит: – Хотя...

Бет испытывает прилив адреналина, по спине пробегает холодок, который возникает, когда один ученый после многих лет экспериментов говорит другому: «На этот раз кое-что изменилось».

Она живет ради этого.

– Продолжай.

– Да вы сами увидите, когда просмотрите все данные. Это трудно не заметить. За пару секунд перед тем, как включилась машина, отмечен значительный всплеск...

– Всплеск? Выброс адреналина?..

Тарик качает головой и постукивает себя по виску.

– Нет... Когнитивное явление. Ваше миндалевидное тело устроило форменную истерику прямо перед отправкой. Я сталкивался с подобными вещами, когда студентом изучал сновидения. Этот тип мозговой активности возникает, когда человеку снится особенно жуткий кошмар.

Бет пытается сообразить, о чем же думала перед путешествием. Не о чем-то важном, это точно. На самом деле она помнит, что чувствовала себя даже более расслабленной, чем обычно.

– На ум не приходит ничего, что могло бы вызвать такую мою реакцию. Похоже, какие-то игры подсознания.

Тарик пожимает плечами, его худые плечи едва приподнимают жесткую ткань белоснежного лабораторного халата.

– И все же это странно, не находите?

Бет направляется в маленькую кухню:

– Не думаю. С чего ты взял?

Тарик снова встает и идет в комнату отдыха, где Бет открывает шкафчик над раковиной, достает свою любимую керамическую кружку – ту, что кричит «Алоха!» крупными забавными буквами, а под ними красуется поблекшая за долгие годы радуга. Эта кружка – единственный сувенир с Гавайев. Последний отпуск, который она маленькой девочкой провела со своей семьей.

Тарик прислоняется к дверному косяку:

– Вы знаете, что я имею в виду, Бет. Само путешествие. Место прибытия. Да ладно, оно было... – он качает головой, подыскивая подходящее слово, – травмирующим.

Бет наливает кофе в кружку и смотрит на электронные часы на микроволновой печи.

– Ничего страшного. Просто невезение. Мы оба это знаем. – Вздыхнув, она насыпает в кружку ложку подсластителя. – Мне точно ни к чему, чтобы ты беспокоился обо мне. Сосредоточься на данных и диагностике. Нужно выяснить, что определяет точку прибытия, Тарик. Это жизненно необходимо.

Тарик вскидывает руки:

– Знаю, знаю. Я тоже здесь работаю, помните?

Бет кивает:

– Что ж, это мне от тебя и нужно. Психиатр у меня уже есть. Кстати говоря, мне пора заняться делом. Мой доклад ровно в девять. Успеешь с отчетом?

– Скоро будет готов. Добавлю свои заметки и отправлю файл целиком. – Тарик наконец входит в комнату отдыха и понижает голос: – Вы слышали о событиях в отделе нейронного протезирования?

Сделав глоток и наслаждаясь тем, как кофеин проникает в клетки уставшего тела, Бет качает головой:

– Нет. Но только что на моих глазах охрана вывела из здания Джерри Уилсона. Я подумала, что ничего хорошего это не предвещает. Что он натворил? Маленький корпоративный шпионаж?

– Нет, Бет. Я говорю не только о Джерри. Они распустили все чертово подразделение. Изумленная Бет ставит чашку на стойку:

– Что? Всю группу? Это же примерно... шестьдесят человек. Они разработали значительную часть линейки медицинских препаратов «Лэнгана»!

Тарик пожимает плечами, на губах сардоническая ухмылка.

– Все, пока-пока.

– Почему? В этом нет никакого смысла.

– Вопрос не по моей зарплате. Вопрос к мистеру Джиму Лэнгану. И все же заставляет задуматься...

– Не волнуйся, наше финансирование они сокращать не собираются. Ладно, мне пора идти... – Бет поворачивается к стойке налить еще кофе и нечаянно врезается локтем в край. Кружка выскальзывает из пальцев и, грохнувшись на бетонный пол, разбивается на мелкие осколки, кофе растекается темной снежинкой. – Черт!

Тарик опускается на колени и начинает собирать осколки:

– Я тут приберу. А вы занимайтесь делом.

Бет закрывает лицо руками, пытаясь сдержать внезапный прилив эмоций, ее глаза, что удивительно, наполняются слезами.

Возьми себя в руки, Бет.

– Черт возьми. Мне так нравилась эта дурацкая кружка.

Тарик встревоженно поднимает голову:

– Что с вами?

Видя беспокойство в его глазах, Бет испытывает смущение, затем чувствует влагу на щеках и понимает, что, несмотря на все свои усилия, плачет. Сердито вытирает лицо.

– Все нормально. Черт! – Она выбегает из комнаты отдыха, оставив ошеломленного ассистента смотреть ей вслед.

Бет входит в свой кабинет – единственное обжитое помещение во всей лаборатории с коврами в восточном стиле на полу и огромным антикварным столом из темного дуба; включаются установленная по периметру подсветка и торшеры с бежевыми абажурами; их теплый свет куда приятнее глазу, чем заливающий лабораторию холодный белый. Бет опускается в кожаное рабочее кресло и закрывает лицо руками.

– Дура, дура, дура, – бормочет она, понимая, что ее авторитету не идут на пользу любые проявления эмоций в присутствии ассистента.

Рыдать над чертовой кофейной кружкой? Просто замечательная идея, Бет. А Колсон когда-нибудь плакал на работе? Из-за кружки? Тарик потому и сомневается в тебе.

Все сомневаются.

Три

Бет выходит из лифта на втором этаже. Кажется, он пустует, как, впрочем, и все здание корпорации «Лэнган»; в коридоре пугающе безлюдно.

Ей известно, что несколько расположенных на приличном расстоянии друг от друга дверей – это входы в лаборатории – такие же большие, как ее собственная, если не больше. Нейропротезирование занимает половину первого этажа в их крыле: громадное пространство, заполненное оборудованием, зонами тестирования, офисами и независимыми центрами обработки данных. Но случайный посетитель, взглянув на дверь отдела, подумал бы, верно, что за ней скрывается кладовка для метел.

Когда Бет и Колсон продали свою технологию Джиму Лэнгану, согласившись стать менеджерами проекта на постоянной основе, они очень радовались гарантированным льготам, высокой зарплате и финансированию разработки машины, однако сразу обратили внимание на странную атмосферу, царившую в огромной технологической компании.

– Так много всего происходит за закрытыми дверями, что невозможно понять, как это работает на самом деле, – заметил Колсон в конце первой недели, когда им только-только предоставили совершенно невероятное лабораторное пространство и оба все еще качались на волне радости и энтузиазма. – Такое чувство, будто мы перебрались в Пентагон.

В первый же день глава корпорации Джим Лэнган лично провел для них экскурсию по всему зданию, указывал на закрытые двери или целые закрытые зоны, произнося название отделов и заученный наизусть малоинформативный рассказ о задачах, которые там решались, и осуществляемых проектах. Фраза: «Конечно, это не подлежит разглашению» повторялась так часто, что Бет быстро сбилась со счета, сколько раз они с Колсоном обменивались за спиной старика выразительными взглядами.

И все же грех было жаловаться. Меньше всего им с Колсоном хотелось, чтобы компании ученых мужей и технических гениев спускались на лифте в их лабораторию и, потягивая кофе под праздную беседу, разглядывали машину, совали свои носы в случайно открытый файл или выборочную запись данных на мониторе.

Но от этого не становилось менее жутко идти по, казалось бы, абсолютно пустым коридорам. Утренняя перепалка с Джерри стала одним из редких случаев, когда она видела коллегу за пределами полугодовых корпоративных собраний – их обычно проводили в ротонде, рассчитанной на сотни человек, или в корпоративном же кафетерии (он почти всегда пустовал, поскольку большинство сотрудников питались у себя в кабинетах и лабораториях).

По правде говоря, общее число сотрудников и иные параметры компании Джима Лэнгана оставались для Бет загадкой. И доступ она имела только в две из трех частей главного вестибюля: одна вела в отделанные деревянными панелями коридоры крыла «технологии развития» (это название Бет узнала далеко не сразу), а другая – в центральное подразделение, которое, судя по всему, имело только три уровня; кафетерий и аудитория находились на первом этаже, а офис генерального директора Джима Лэнгана и других должностных лиц корпорации – на втором. На третьем Бет никогда не была.

Другое крыло подземного комплекса, как и многое в корпорации, было окутано тайной. До Бет доходили слухи, что там занимаются фармацевтикой, но Колсон всегда настаивал – и лишь отчасти шутил, – что там изучают корабли пришельцев. Он высказывал эту теорию с такой искренностью и воодушевлением, что Бет не могла сдержать улыбку.

Еще одно воспоминание, которое навсегда останется в ее разбитом сердце.

В конце коридора Бет останавливается перед двойными дверями из полированного дерева. На изящной медной табличке справа значится: «Форум».

Она на мгновение закрывает глаза, делает глубокий вдох, затем выдох.

Толкает створку двери и попадает в круглый зал.

Он слабо освещен бра, расположенными вдоль обшитых глянцевыми деревянными панелями стен. Толстый темный ковер заглушает любые звуки. Бет знает, что в комнате полная звукоизоляция, о чем вспоминает всякий раз, когда за ней закрывается дверь.

Примерно в середине зала расположен подиум, освещенный тусклым прожектором. За ним отгороженная зона с пустыми кожаными креслами, которую Бет всегда мысленно называла ложей присяжных. А в дальнем конце зала находится возвышение с низкой стенкой, за которой сидят три человека. Ждут ее. Как всегда. Она поднимается на подиум, встает там, где с потолка свисает маленький черный микрофон. Слегка поправляет его и ждет.

– Доброе утро, Бет, – говорит мужчина, сидящий справа.

– Доброе утро, – отвечает она.

Минута уходит на то, чтобы выровнять дыхание и заставить себя расслабиться. Тот, кто с ней поздоровался, – молодежавый, по-плутовски красивый психолог по имени Джонатан Грир, единственный из троих, кого Бет хорошо знает. Впрочем, она на протяжении многих лет неоднократно общалась и с остальными.

Джонатан – клинический психолог (в просторечии психотерапевт), с которым ей приходится регулярно, каждую неделю, беседовать на протяжении заранее оговоренного времени. Поначалу ни ей, ни Колсону эта часть контракта ужасно не нравилась. Бет злилась. В конце концов, власть Грира практически бесконечна. Если он решит, что психическое здоровье какого-то сотрудника корпорации, по его любимому выражению, «не позволяет тому работать», беднягу немедленно отстранят до дальнейшего уведомления.

В центре тройки сидит пожилой Терри Адамс – доктор медицины, специально приглашенный в корпорацию «Лэнган». Медицинские осмотры всех сотрудников проводятся ежемесячно (слава богу, что не еженедельно); изначально это тоже раздражало Бет, но потом, особенно во время беременности, она смирилась, даже радовалась заверениям специалистов, что ее ребенок развивается хорошо. Ну и бесплатное медицинское обслуживание – штука, в принципе, неплохая: если у нее начнет развиваться что-нибудь хроническое, во время одного из ежемесячных осмотров болезнь можно будет обнаружить на ранней стадии. Конечно, Адамс тоже имеет право закрыть проект или отстранить сотрудника, если сочтет, что это полезно для корпорации. Тем не менее старик нравился Бет. По крайней мере, он всегда добр к ней.

Слева сидит Эбигейл Ли, директор программы. Номинально она – по крайней мере, согласно какой-то корпоративной схеме – является непосредственным руководителем Бет. Конечно, Ли спускалась в лабораторию несколько раз, но, судя по всему, не имеет ни малейшего представления о том, как функционирует их машина (или любая другая, если уж на то пошло). Директор никогда не проявляла интереса к их работе и ни о чем не расспрашивала ни Бет, ни Колсона, когда тот был жив. Бет считает, что они с Ли довольно близки по возрасту и радикально различны во всем остальном. Тем не менее директор всегда рядом – и на ежегодных проверках, и вообще, – а ее подпись чудесным образом появляется на всех финансовых запросах, удовлетворение которых необходимо для повседневных нужд лаборатории. Бет видит в Ли скорее няню, чем начальника, и искренне благодарна ей за глобальное невмешательство.

Эбигейл осторожно, будто к чашке со слишком, как она опасается, горячим чаем, тянется к установленному перед ней микрофону. Однако голос ее звучит ровно, громко и отчетливо. Идеально для записи.

– Доктор Дарлоу, вы готовы начать сеанс ответов на дополнительные вопросы, соответствующий дате путешествия – семнадцатое марта две тысячи сорок четвертого года?

Бет кивает:

– Готова.

На мгновение воцаряется тишина, затем программный директор нажимает несколько клавиш на скрытом от глаз Бет пульте. Зал наполняется тихим звуком статических помех –

это оживают динамики, скрытые в стенах, обшитых темными панелями. Комнату наполняет звучный мужской голос, доносящийся будто отовсюду и в то же время ниоткуда.

– *Пожалуйста, назовите свое имя и сегодняшнюю дату.*

Бет прочищает горло, стараясь говорить четко.

– Бет Дарлоу. Восемнадцатое марта две тысячи сорок четвертого года.

– *Кто является президентом Соединенных Штатов?*

– Джеймс Уитмор.

– *Опишите свое семейное положение.*

На долю секунды слова застревают у Бет в горле, затем она тихо вздыхает и отвечает, не опуская глаз:

– Вдова.

– *Одним словом опишите свое детство.*

Изначально этот вопрос ставил Бет в тупик. Тогда, давно, она совершила ошибку, посчитав, что цель сеанса – что-то вроде экзамена или исследование ее жизни, а не сбор научных данных. А в исследовании важнее всего последовательность, логичность. Когда вопросы вытекают один из другого, дать ответ легче легкого...

А вообще стоит придерживаться правды.

– Счастливое.

– *Назовите двух ближайших родственников.*

Еще одна загадка. Бет так до конца и не поняла, зачем люди, призванные проверить ее психическое состояние, создали вопрос, в котором так много переменных. Колсон выдвигал идею, что опросник – это еще и краткий тест, а потому важно знать, кого Бет и он сам считают близкими людьми. На одном из сеансов Бет попыталась проверить догадку мужа, поинтересовавшись у Джонатана, что тот думает об этом. Но психотерапевт отказался отвечать. Что, по ее мнению, само по себе означало: так и есть.

В первые годы Бет называла сначала имя мужа, а затем дяди Бретта, поскольку ее родители и сестра погибли давным-давно. И вообще, когда она впервые отправилась в путешествие, Изабеллы еще и в проекте не было.

И вот теперь смерть снова все изменила.

– Мой дядя, Бретт Хокинс. Моя дочь, Изабелла Дарлоу.

– *Если бы вы могли изменить только один момент в своей жизни, что бы это был за момент?*

Этот простой вопрос всегда причинял Бет боль. Теперь в ее жизни есть только один момент, который ей хотелось бы изменить, если бы позволила судьба. Если бы ей хватило сил.

– Я бы не позволила своему мужу уйти в тот день, когда он погиб.

Динамики продолжают гудеть, как провода под напряжением. Но Бет знает, что с вопросами покончено.

Их всего шесть. И они никогда не меняются.

Директор программы прочищает горло и наклоняет голову к микрофону:

– Окончание вопросов, записанных для передачи.

Все молчат, пока из динамиков не раздастся мягкий, негромкий звук, за которым следует щелчок выключения динамиков. Комната погружается в глубокую, тягостную тишину.

– Спасибо, Бет. Вам нужна минутка перед воспроизведением?

Бет качает головой:

– Все хорошо.

– Замечательно, – одобряет Эбигейл, снова наклоняясь к микрофону. – Начинаем воспроизведение оригинальных вопросов, заданных перед путешествием, датированным 17 марта 2044 года, доктор Бет Дарлоу.

Снова включаются динамики, и комнату наполняет тот же бесстрастный, механический голос. На этот раз Бет только слушает вопросы вместе со своими заранее записанными ответами, которые она дала вчера утром.

- *Пожалуйста, назовите свое имя и сегодняшнюю дату.*
- Бет Дарлоу. Семнадцатое марта две тысячи сорок четвертого года.
- *Кто является президентом Соединенных Штатов?*
- Джеймс Уитмор.
- *Опишите свое семейное положение.*
- Вдова.
- *Одним словом опишите свое детство.*
- Счастливое.
- *Назовите двух ближайших родственников.*
- Мой дядя, Бретт Хокинс. Моя дочь, Изабелла Дарлоу.
- *Если бы вы могли изменить один момент в своей жизни, что бы это было?*
- Я бы не позволила своему мужу уйти в тот день, когда он погиб.

Никто не произносит ни слова, пока запись не заканчивается и невидимые динамики снова со щелчком не замолкают.

Директор программы смотрит на двух других членов жюри, те кивают. Она снова наклоняется к микрофону, но теперь ее голос звучит мягче, поскольку она обращается только к самой Бет, а не к потомкам.

– Запись показывает, что расхождений нет. Сейчас мы продолжим разбор полетов. – Она поворачивается к Джонатану. – Мистер Грир, не хотите ли начать?

Джонатан кивает:

– Директор, не могли бы вы вывести на экран видеозапись путешествия Бет Дарлоу, датированную семнадцатым марта две тысячи сорок четвертого года? Пожалуйста, задержите воспроизведение.

Директор программы кивает и набирает на клавиатуре еще одну команду. Справа от Бет опускается большой экран и окутывает ее тусклым белым сиянием. Изображение четкое, стоп-кадр. Она поворачивает голову и смотрит на слегка искаженное полноцветное изображение салона «Сессны».

Снимок сделан с ее точки зрения, поэтому все немного искажено из-за ограниченности человеческого зрения. Однако сквозь лобовое стекло отчетливо видна полоска голубого неба и сидящие бок о бок в тесной кабине родители Бет, которые скоро умрут.

Она неосознанно кладет пальцы правой руки на левое предплечье. Туда, где его нервно сжимали пальцы сестры, перед тем как их самолет упал и тело Мэри разорвало на куски.

То, что Бет видит это вот так, по видеотрансляции, а не изнутри личных воспоминаний, остроту возникающих ассоциативных связей никак не уменьшает. Скорее, запечатленная картина распаивает в голове Бет надежно запертую дверь, и ей приходится преодолевать новый приступ боли, захлестывающий ее при виде этого вырванного из ее жизни мгновения.

Пункт прибытия.

Четыре

– Вы можете описать для нас ситуацию, Бет?

Она смотрит на застывшее изображение, желая, чтобы оно исчезло.

Пережить это снова? Здесь? Когда члены жюри оценивают каждый ее вздох, каждое нервное подергивание губ? Ее собственные воспоминания – нынешние воспоминания – неприятно перекрываются теми девятистами секундами, которые ее сознание провело днем раньше в том самолете; кажется, мозг не способен отделить травму десятилетней давности от вчерашнего опыта. Для психики, как известно Бет, это эквивалент повтора травмы – это как вскрыть старый шрам, который так до конца и не зажил, и позволить ему снова кровоточить.

Она убирает эмоции и сосредотачивается. Заставляет себя смотреть на изображение с отстраненностью ученого, беспристрастного наблюдателя.

Какая-то часть Бет жалеет, что ей не дано оказаться в сознании и теле сестры. Пытливая часть рассудка очень хотела бы увидеть выражение лица юной Бет, понаблюдать за ее реакцией. Особенно за глазами.

Бет знает, что, если бы она могла каким-то образом вернуться в тот момент, выбрать другой ракурс и заглянуть в глаза себя двенадцатилетней, то увидела бы, как они мерцают подобно частому щелканью затвора фотоаппарата, – переходя от ее природного аквамаринового оттенка к чистейшей белизне. И это самое мерцание – единственный признак, выдающий того, кто путешествует внутри собственного прошлого.

Наблюдение. Фиксация. Облегчение.

Однажды она сама видела это. Всего один раз. В глазах мужа.

Они вдвоем отмечали годовщину свадьбы за стойками и каберне в любимом ресторане; цены там были безумные, но еда стоила каждого потраченного пенни. Сидели друг напротив друга, обсуждали имя будущего ребенка – Изабелла для девочки, Бретт для мальчика, – и вдруг в глазах Колсона будто начали опускаться на доли секунды какие-то заслонки.

Бет тогда решила, будто дело в игре света, отражающегося в его радужках, в мерцании свечи на столе. Два года спустя, когда Колсон зафиксировал на бумаге описание своего путешествия во времени до того самого момента, она поняла, что именно увидела: на нее смотрело сознание ее мужа из будущего.

Наблюдатель или, если угодно, шпион из грядущих лет.

Когда Бет впервые рассказала мужу о той странной истории, он заявил, что это чушь. Но время и новые путешествия показали, что это правда.

Они так и не сумели выявить разумную причину странного физиологического эффекта. Самая здравая теория заключалась в том, что такой была реакция организма на стресс, вызванный вторжением еще одного сознания, – агрессивное расширение зрачков, так (теоретически) влиявшее на пигмент радужной оболочки, что возникало ощущение странного мерцания.

Другая теория, которую Бет придерживала при себе, заключалась в том, что два сознания совместно используют один и тот же мозг, заставляя глаза переключаться с одного на другое с такой скоростью, что это вызывало физическую реакцию в мышцах радужной оболочки.

Как бы то ни было, разгадка странного мерцания не являлась для них первоочередной задачей – просто еще одна тайна, которую стоит отложить до того момента, когда финансирование будет увеличено и удастся привлечь дополнительную помощь.

Впрочем, после того как они обсудили необычный феномен и Бет сообразила, что наблюдала его на том давнем юбилейном ужине, она поймала себя на том, что более внимательно наблюдает за глазами Колсона. Почти каждый раз, когда они оставались наедине, она замечала это странное трепетание, признак, что второе сознание – муж из будущего – наблюдает за ней.

Воспоминание о том ужине – об этих глазах – все еще вызывало у нее дрожь.

Стряхнув с себя воспоминания, Бет отводит взгляд от застывшего изображения на экране и сосредотачивается на наполовину скрытых тенью лицах наблюдающих за ней людей. Поскольку вопрос задал Джонатан, обращается непосредственно к нему.

– Не уверена, что стоит описывать ситуацию, поскольку все и так очевидно. В этот день погибла моя семья, – поясняет она, изо всех сил стараясь говорить ровным голосом и сдерживать эмоции. – Отец сидел за штурвалом, но мама тоже имела лицензию пилота; они часто поднимались в небо. Мои родители были учеными, хотя и в не связанных между собой областях: отец эпидемиолог, мать этноботаник. Автономно переместиться в любую точку мира в мгновение ока было жизненно важно для обоих. Последний полет был редким исключением, поскольку место назначения представляло интерес для обоих, сферы их научных интересов наконец-то пересеклись. Целью было некое растение, широко применявшееся в небольшой общине аборигенов. Ходили слухи, что инуиты, поселившиеся в районе бореальных лесов, используют экстракт этого растения в качестве лекарства от определенного штамма вируса гриппа. Предполагалось приземлиться недалеко от границы и заправиться, пополнив запасы. У нас с сестрой еще не начались школьные занятия, и мы решили просто прокатиться.

Бет пожимает плечами и криво улыбается:

– Полагаю, это научная версия семейного отдыха. В любом случае, как вы видели, у нас отказал двигатель... – Бет замолкает, сглатывает и еще раз заставляет свой разум отделиться от воспоминаний, как если бы она была хирургом, выполняющим операцию на сердце любимому человеку. – Мы потерпели крушение в национальном парке Джаспер, недалеко ручья Чанго. Примерно в двадцати минутах езды от аэропорта Эдмонта. – Бет переплетает пальцы. – Выжила только я.

Доктор Адамс, на лице которого застыла маска сочувствия, наклоняется вперед:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.